

УДК 811.11-112

ББК 81.471.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/50-58>

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
И ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АМЕЛИ НОТОМБ «СТРАХ И ТРЕПЕТ»)**

Ф. А. Тамбиева, Х. Б. Дзейтова, С. С.-А. Юсупова

Чеченский государственный университет имени А. А. КадYROва

**NATIONAL FEATURES
OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR IN WESTERN EUROPEAN
AND JAPANESE LINGUISTIC CULTURES
(IN THE NOVEL “FEAR AND TREMBLING” BY AMÉLIE NOTOMB)**

F. A. Tambieva, Kh. B. Dzeitova, S. S.-A. Yusupova

Kadyrov Chechen State University

Аннотация: в статье анализируются национальные особенности коммуникативного поведения в западноевропейской и японской лингвокультурах в романе Амели Нотомб «Страх и трепет». В статье показано непреодолимое различие между двумя мирами, западным и восточным, в основе которого лежит различие менталитета, культуры и истории. Коммуникативное поведение является одним из важнейших маркеров принадлежности человека к определенной национальной культуре. Наряду с родным языком оно наиболее наглядно дифференцирует собеседника по принципу «свой – чужой». Знание правил и норм коммуникативного поведения собеседника чрезвычайно важно в личном общении с представителями других культур. В современном мире для успешного межкультурного диалога недостаточно знания иностранного языка, даже в совершенстве. Насущной необходимостью стало знание и владение нормами коммуникативного поведения в изучаемой культуре, в частности, правила речевого этикета, невербального и паравербального общения. Актуальность этнокультурного аспекта в современных лингвистических исследованиях, как и актуальность успешного межкультурного диалога в современном многополярном мире, проблемы межкультурных конфликтов определяют актуальность нашей темы исследования. В статье рассматриваются принципиальные отличия кодов коммуникативного поведения западной и восточной культур, которые проявляются в непонимании и открытом неприятии участниками общения, представленными в романе: бельгийкой Амели и ее японскими коллегами. Рассматривается коммуникативное поведение представителей двух разных культур, которые представлены в совокупности норм и традиций в профессиональном общении. Роман Амели Нотомб позволяет читателю сравнить две противоположные культуры и напоминает о том, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Ключевые слова: коммуникативное поведение, принцип «свой – чужой», межкультурное общение, страх, трепет, межкультурный диалог, лингвокультура.

Abstract: the article analyses the national characteristics of communicative behaviour in the Western European and Japanese linguocultures in Amélie Nothomb's novel Fear and Trembling. The article shows the insurmountable difference between the two worlds, Western and Eastern, based on the difference in mentality, culture and history. Communicative behaviour is one of the most important markers of a person's belonging to a certain national culture. Together with the mother tongue, it is the most visible way of differentiating the interlocutor according to the «friend – stranger» principle. Knowing the rules and norms of communicative behaviour of the interlocutor is extremely important in personal communication with representatives of other cultures. In today's

© Тамбиева Ф. А., Дзейтова Х. Б., Юсупова С. С.-А., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

world, it is not enough to know a foreign language, even perfectly, to be successful in intercultural dialogue. Knowledge and mastery of the norms of communicative behaviour in the culture under study, in particular: the rules of speech etiquette, non-verbal and paraverbal communication have become an urgent need. The topicality of the ethno-cultural aspect in modern linguistic research as well as the topicality of a successful intercultural dialogue in the modern multipolar world and the problems of intercultural conflicts determine the topicality of our research topic. In this article, the fundamental differences in the codes of communicative behaviour of Western and Eastern cultures, which manifest themselves in the misunderstanding and open rejection of the participants in the communication, represented in the novel by the Belgian Amélie and her Japanese colleagues, are discussed. The communicative behaviour of representatives of two different cultures, which are represented by a set of norms and traditions in professional communication, is examined. The novel allows the reader to compare two opposing cultures and reminds us that «you don't enter another's monastery with your own mouth».

Key words: communicative behaviour, the principle of «one's own – another's», intercultural communication, fear, trembling, intercultural dialogue, linguoculture.

Введение

В современном мире для успешного межкультурного диалога недостаточно совершенного знания иностранного языка. Искусство общения предполагает заинтересованность и увлеченность собеседников. Уметь общаться и легко, и трудно. Большинство людей считают общением всего лишь передачу каких-то поручений, директив, не все обладают искусством общения, которое, помимо хорошего владения языком, включает в себя знание и владение нормами коммуникативного поведения. Расположить собеседника к общению может доброжелательный и заинтересованный взгляд, приветливая улыбка, проявление вовлеченности и умение слушать. Цель говорящего: быть услышанным и понятым. Цель слушающего: понять, иметь возможность прояснить непонятное и иметь право на ответ. И говорящий, и слушающий должны осознавать то, что они хотят от общения.

В нашей работе анализируются национальные особенности коммуникативного поведения в западноевропейской и японской лингвокультурах в романе «Страх и трепет» Амели Нотомб, в котором показано непреодолимое различие между двумя мирами, западным и восточным, в основе которого лежит различие менталитета, культуры и истории.

Коммуникативное поведение является одним из важнейших маркеров принадлежности человека к определенной национальной культуре. Наряду с родным языком оно наиболее наглядно дифференцирует собеседника по принципу «свой – чужой». Знание правил и норм коммуникативного поведения собеседника чрезвычайно важно в личностном общении с представителями других культур.

Проблема. В настоящее время практической необходимостью стало знание и умение владеть нормами коммуникативного поведения в изучаемой культуре: правила речевого этикета, невербальной и паравербальной коммуникации. В связи с этим в современных исследованиях также делается акцент

и на невербальном общении – важно не только что ты говоришь, важно и то, как ты говоришь.

Растущий интерес к этнокультурному аспекту в современных лингвистических исследованиях, вопросы успешной межкультурной коммуникации в современном многополярном мире, проблемы межкультурных конфликтов – эти факторы определяют актуальность темы нашего исследования. Работы в данной области сохраняют свою важность и востребованность.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса об особенностях и отличиях коммуникативного поведения представителей разных лингвокультур в межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования послужили работы И. А. Стернина, С. Н. Артаева, С. Г. Тер-Минасовой.

Понятие и термин «коммуникативное поведение» далеко не новы. И. А. Стернин предложил данный термин еще в 1989 г.: «Коммуникативное поведение – совокупность норм и традиций общения определенной группы людей» [1, с. 4]. И. А. Стернин также заложил основы системного описания коммуникативного поведения одного народа [2, с. 8].

С. Г. Тер-Минасова делает акцент на взаимосвязи языка человека, его культуры и формирования национального характера и национального коммуникативного поведения [3, с. 134–135].

С. Н. Артаев в своей диссертации, наряду с И. А. Стерниным, отмечает следующие имена в отечественной лингвистике, чьи труды посвящены исследованию национально-культурной специфики речевого поведения, вербальных и невербальных компонентов коммуникации: А. А. Акишина, Х. Кано, Е. Э. Сапожникова, И. А. Микаберидзе, Т. С. Глущенко, И. А. Крым. Общие и национально-специфические особенности речевого этикета рассматриваются в работах А. А. Акишиной и Н. И. Формановской,

Н. Г. Тырниковой, А. С. Чаушева, С. А. Рисинзон, А. В. Кузнецова [4].

В нашей работе использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа и сплошной выборки практического материала.

Практическим материалом для статьи послужил роман Амели Нотомб «Страх и трепет», который позволяет читателю сравнить западноевропейскую и японскую культуры.

Результаты исследования

Роман Амели Нотомб «Страх и трепет» затрагивает принципиальные отличия кодов коммуникативного поведения западной и восточной культур, которые проявляются в непонимании или открытом неприятии участниками общения, представленными в романе: бельгийкой Амели и ее японскими коллегами.

Обращается внимание на коммуникативное поведение представителей двух разных культур, которые представлены в совокупности норм и традиций в профессиональном общении, что наблюдается на протяжении всего действия в романе.

Роман носит автобиографический характер и описывает год работы Амели Нотомб в японской компании. Уроженка Японии, которая провела там все детство, знающая японский язык и культуру, приезжает в Токио, как к себе домой. Однако любовь к этой стране и желание вписаться в данное общество превращается в разочарование.

Автор призналась, что, когда она приехала в свою страну в 17 лет, чувствовала себя иностранкой, т. е. не у себя дома. Амели попробовала быть японкой, но, как узнают читатели, это не сработало.

Девушка быстро понимает, что новая работа и новая жизнь в Токио – совсем не то, о чем она мечтала.

Основная линия сюжета – взаимоотношения самой Амели и ее начальницы Мори, которые символизируют противостояние двух лингвокультур: открытого к контакту Запада и закрытой для «чужих» Японии.

В самом начале романа показано, что девушка с западным воспитанием нарушает установленный порядок в японской фирме, приходя без предупреждения на работу в свой первый рабочий день. Амели даже не подумала, что ей следовало бы отметить в приемной.

Je ne songeai même pas qu'il eût fallu me présenter à la réception [5, p. 8].

Для представителей восточной культуры неожиданный приход Амели расценивается как странный, о чем свидетельствует их реакция, так как в Японии принято оповещать заранее о своем визите.

Pourquoi n'avez-vous pas averti la réceptionniste de votre arrivée? me demanda-t-il [5, p. 8].

Амели понимает, что она произвела дурное впечатление в компании Юмимото в свой первый рабочий день, не успев даже произнести ни единого слова:

Je ne trouvai rien à répondre et ne répondis rien. J'inclinai la tête et les épaules, constatant qu'en une dizaine de minutes, sans avoir prononcé un seul mot, j'avais déjà produit une mauvaise impression, le jour de mon entrée dans la compagnie Yumimoto [5, p. 8].

Стремясь улучшить впечатления о себе, Амели решила вести себя соответственно японской традиции и молча прошла весь процесс знакомства с рабочим местом и будущими коллегами. Она безмолвно последовала за господином Сайто, выражая свою реакцию лишь наклоном головы. Первым ее словом, которое она произнесла в компании, было слово «Да», которым она ответила на вопрос господина Сайто: «Любит ли она вызовы?». Амели было абсолютно ясно, что у нее нет права на отрицательный ответ. В японской культуре у подчиненного нет выбора отрицательного ответа на утвердительный вопрос начальства.

Oui, dis-je. Ce fut le premier mot que je prononçai dans la compagnie. Jusque-là, je m'étais contentée d'incliner la tête [5, p. 9].

Получив свое первое поручение – написать ответ некоему Адаму Джонсону, Амели снова допускает ошибку в глазах японца, спросив у начальника, кто этот Адам Джонсон:

Qui est Adam Johnson? eus-je la sottise de demander [5, p. 8–10].

Если для европейца допустимо подобное любопытство, то для японца оно, по меньшей мере, невежливо и нескромно. И напротив, для японца-начальника вполне допустимо невежливое и даже грубое отношение к Амели. Начальник Амели заставляет неограниченное количество раз переписать письмо Адаму Джонсону, и каждый раз он рвет письма с презрительным возгласом: «*Переделайте*», – не удостоив подчиненную объяснения ошибки или пояснения своих требований.

...Mon supérieur lut mon travail, poussa un petit cri méprisant et le déchira: – Recommencez.

...Je passai les heures... Monsieur Saito rythmait ma production en la déchirant, sans autre commentaire que ce cri qui devait être un refrain. Il me fallait à chaque fois inventer une formulation nouvelle [5, p. 11].

Не совсем понимая, в чем заключаются ее обязанности в этой огромной компании, Амели была счастлива тем, что работает в японской компании, как она этого и хотела. Каждый сотрудник компании исполняет свои непосредственные обязанности, не задаваясь лишними вопросами и не сомневаясь в целесообразности своих функций и данного начальством поручения. Амели представляла себе служащих

Юмимото нулями, которые приобретают значимость только позади каких-то цифр, т. е. позади начальства, всех, кроме самой себя, у которой не было даже права «нуля». Амели ощущала себя бесполезной в компании Юмимото, но данное положение ее вполне устраивало.

Les employés de Yumimoto, comme les zéros, ne prenaient leur valeur que derrière les autres chiffres. Tous, sauf moi, qui n'atteignais même pas le pouvoir du zéro. Les jours s'écoulaient et je ne servais toujours à rien. Cela ne me dérangeait pas outre mesure [5, p. 16].

Подобное «бесполезное», в понимании Амели, времяпровождение сотрудником немыслимо в европейской компании.

Особый интерес повествованию придает тот факт, что Амели знакома не только с культурой Японии, но и в совершенстве владеет японским языком, и языкового барьера для нее не существует. Однако знание языка не помогло избежать культурных ошибок, которые «обычно воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые. Культурные ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление» [3, с. 34]. Знание языка спровоцировало серьезную культурную ошибку Амели в глазах ее начальства и стало сильнейшим коммуникативным шоком для нее самой.

Рассмотрим этот эпизод, который отражает кардинальные отличия в менталитете и в коммуникативном поведении западного человека и японца.

Однажды утром Амели сообщили, что вице-президент компании принимает у себя важную делегацию из дружественной фирмы и надо подать им чай и кофе в офисе. Нет ничего более естественного для начинающего сотрудника японской компании, как «обязанности почетного чая», которые ей были поручены. Амели отнеслась к этой обязанности самым серьезным образом, тем более что она была у нее единственной.

Rien n'était plus normal, quand on débutait dans une compagnie nipponne, que de commencer par l'ôchakumi, "la fonction de l'honorable thé". Je pris ce rôle d'autant plus au sérieux que c'était le seul qui m'était dévolu [5, p. 17].

Амели справилась с заданием более чем превосходно: каждую чашку подавала с подчеркнутым смирением, употребляя самые изысканные формулы вежливости, не поднимая глаз и с обязательными поклонами. Она была уверена, что заслужила бы орден за сервировку кофе, если бы таковой существовал:

J'entrai chez monsieur Omochi avec mon grand plateau et je fus plus que parfait: je servis chaque tasse avec une humilité appuyée, psalmodiant les plus raffinées des formules d'usage, baissant les yeux et m'inclinant. S'il existait un ordre du mérite de l'ôchakumi, il eût dû m'être décerné [5, p. 18].

В понимании европейца девушка соблюла правила и вербального, и невербального коммуникативного поведения в данной ситуации.

Однако японское начальство восприняло старания Амели как неуважение к гостям. Ее упрекнули в том, что она использовала формулы вежливости, подразумевающие совершенное знание японского языка:

Vous avez profondément indisposé la délégation de la firme amie ! Vous avez servi le café avec des formules qui suggéraient que vous parliez le japonais à la perfection! [5, p. 19].

Амели оправдывается тем, что она не так уж плохо знает язык. Оказывается, ошибка Амели и была в том, что она осмелилась продемонстрировать свое знание языка.

Для Амели как для западного человека это было проявлением уважения и вежливости. Для японца-начальника – недопустимо: как партнеры фирмы могут чувствовать себя уверенно в присутствии Белой женщины, понимающей их язык?

Vous avez créé une ambiance exécration dans la réunion de ce matin : comment nos partenaires auraient-ils pu se sentir en confiance, avec une Blanche qui comprenait leur langue? [5, p. 19].

Рассмотренный пример особенно интересен тем, что предметом недопонимания стал язык общения. Язык – это важнейший национально-специфический компонент культуры, «знак принадлежности его носителей к определенному социуму... язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обособления “своих” и “чужих”» [3, с. 15]. Японские гости восприняли факт знания своего языка Белой женщиной Амели как посягательство, вторжение в их национальное своеобразие, культуру и идентичность. То, что западному человеку было бы приятно – знание его родного языка иностранцем, то японцу причинило беспокойство и дискомфорт.

И с этого момента она больше не говорит на японском, это – приказ:

A partir de maintenant, vous ne parlez plus japonais [5, p. 20].

Амели испытала шок, так как ее взяли на работу в компанию за владение японским языком. Шок провоцирует дальнейшие ошибки в коммуникативном поведении Амели. Она начинает спорить с начальством, что является в принципе недопустимым в японском обществе, на что ей указывает начальник:

Taisez-vous! De quel droit vous défendez-vous? [5, p. 19].

Если европейец может усомниться в адекватности приказа начальника, японец будет исполнять поручение, не задумываясь о его уместности и целесообразности. На приказ начальника «не понимать более японский язык» Амели отвечает, что это невозможно, и никто не может повиноваться такому приказу:

Je vous donne l'ordre de ne plus comprendre le japonais.

C'est impossible. Personne ne peut obéir à un ordre pareil [5, p. 20].

Ей возражают, что всегда найдется способ повиноваться, и именно этот факт мозг западного человека должен был бы понимать:

Il y a toujours moyen d'obéir. C'est ce que les cerveaux occidentaux devraient comprendre [5, p. 20].

Амели утверждает, что если японский мозг способен заставить себя забыть язык, то у западного мозга нет для этого средств и способов:

Le cerveau Nippon est probablement capable de forcer à oublier une langue. Le cerveau occidental n'en a pas les moyens [5, p. 20].

Как ни странно, экстравагантный аргумент девушки оказался приемлемым для японца. Он посоветовал постараться найти способ, по крайней мере, сделать вид, что она забыла язык:

Essayez quand même. Au moins, faites semblant [5, p. 20].

Данная ситуация наглядно иллюстрирует разницу коммуникативного группового поведения в рабочих коллективах двух стран. В бельгийском коллективе можно задать вопрос начальнику, что-то уточнить, высказать свое мнение, обсудить рабочие моменты. Японский рабочий коллектив, как и общество в целом, предполагает строгую иерархию, абсолютное подчинение приказам, безоговорочное выполнение указаний вышестоящего лица.

Пребывая в шоковом состоянии, Амели совершает следующую коммуникативную ошибку: жалуется своей непосредственной начальнице на вышестоящего начальника, обзывая того негодяем и дураком, что невозможно представить в поведении подчиненного-японца.

Ярким контрастом эмоционального поведения Амели служат сдержанные манеры ее непосредственной начальницы Фубуки. Она не стала выяснять отношения при коллективе, а позвала подчиненную на кухню. На жалобы Амели Фубуки спокойно возражает, успокаивая ее и объясняя, что каждый начальник всего лишь выполняет указания вышестоящего начальства, и остается только смириться со своей ситуацией. И тем более речь не может идти о том, чтобы Амели отправилась жаловаться к самому президенту компании. Амели и сама понимала, что невозможно перескочить ни одну ступень иерархической лестницы японской компании, что было вполне возможно в той же бельгийской компании.

Hélas, il est hors de question que vous alliez vous plaindre à lui. Elle avait raison, je le savais, il eût été inconcevable, en amont, de sauter même un seul échelon hiérarchique, a fortiori d'en sauter autant. Je n'avais le

droit de m'adresser qu'à mon supérieur direct, qui se trouvait être mademoiselle Mori [5, p. 23–24].

После такой серьезной неудачи Амели стоит перед дилеммой: уволиться или остаться в компании.

Для западного человека в подобной ситуации уход с работы был бы нормальным поступком, для японца это было бы «потерей лица». Амели также считала, что уход стал бы ее позором и в глазах японцев, и в ее собственных:

Aux yeux d'un Occidental, ce n'eût rien eu d'infamant ; aux yeux d'un Japonais, c'eût été perdre la face [5, p. 21].

Роман Амели Нотомб сталкивает две разные культуры и напоминает о том, что у каждого народа свои правила и нормы поведения.

Героиня романа, горя желанием быть полезной компании, старается помимо своей работы взять на себя еще и другие обязанности и начинает разносить почту служащим, не спрашивая, в очередной раз, разрешения у многочисленных своих начальников:

Je décidai, sans demander l'avis de personne, de distribuer le courrier [5, p. 28].

Желая быть вежливой с сотрудниками и проявить свое доброжелательное отношение, передавая корреспонденцию, Амели старалась показать свое небезразличие коллегам, искреннее расположение к ним, поздравляя самого сотрудника или его родственников (жену, детей) с днем рождения, справляясь о детях, называя их по именам, на что каждый раз получала ошеломленный взгляд, что свидетельствовало о том, что у японцев не принято затрагивать личную жизнь, если вы не близкий человек.

... je pouvais non seulement identifier les moindres des employés, mais aussi profiter de ma tâche pour, le cas échéant, leur souhaiter un excellent anniversaire, à eux ou à leur épouse ou progéniture... Ce qui me valait à chaque fois un regard stupéfait [5, p. 27].

Самодетельность Амели закончилась очередным выговором. После того как Амели предстала перед начальством, она поняла, что виновата в проявленной инициативе, так как в японской культуре не принято выполнять чужие обязанности без распоряжения руководителя, тогда как в европейской культуре инициативность сотрудника только приветствуется. Здесь же Амели чуть не довела до нервного срыва настоящего курьера предприятия, поскольку увидев, что его работа уже выполнена, он почувствовал себя на грани увольнения.

Амели так описывает ситуацию:

J'eus droit à un savon mérité: je m'étais rendue coupable du grave crime d'initiative. Je m'étais attribué une fonction sans demander la permission de mes supérieurs directs. En plus, le véritable postier de l'entreprise, qui arrivait l'après-midi, étais au bord de la crise de nerfs, car il se croyait sur le point d'être licencié [5, p. 30].

Как не бывает правил без исключения, так и в типичной японской компании Амели встретила нетипичного начальника Тяньши. Он предложил Амели, как бельгийке, сделать отчет о бельгийской продукции, консультируясь со своими соотечественниками. Ситуация была исключительной, так как Тяньши не только дал Амели ответственное поручение, но и обошелся без единой инструкции. Это был карт-бланш для подчиненного, что в Японии является исключительным случаем. И к тому же он проявил личную инициативу, не спрашивая ничего мнения, в частности вышестоящего начальства, тем самым рискуя своей карьерой и карьерой подчиненного.

Non seulement il m'accordait ma chance, mais en plus il ne me donnait aucune instruction : il me laissait donc carte blanche, ce qui, au Japon, est exceptionnel. Et il avait pris cette initiative sans demander l'avis de personne : c'était un gros risque pour lui [5, p. 37].

Инициатива, проявленная Тяньши и Амели, принесла существенную выгоду компании, поскольку бельгийка Амели эффективно и в кратчайшие сроки проработала деловой отчет, связавшись с бельгийскими деловыми партнерами. Желая помочь Амели, Тяньши позволяет себе заметить тот факт, что японский сотрудник, отвечающий за эту работу, не знает ни французского языка, ни Бельгии, что создало бы ему проблемы в выполнении данного задания.

Mais monsieur Saitama ne parle pas français et ne connaît pas la Belgique. Il aurait rencontré beaucoup plus d'obstacle qu'Amélie-san [5, p. 22].

В ответ на это справедливое замечание начальник велит Тяньши замолчать и добавляет, что подобный отвратительный прагматизм достоин только западного человека:

Taisez-vous. Ce pramatisme odieux est digne d'un Occidental [5, p. 22].

Прагматичность и индивидуализм недостойны и неприемлемы для японца, поэтому вершиной упреков и проклятий в адрес Тяньши и Амели был момент, когда Омоши назвал их «индивидуалистами»:

Mon compagnon d'infortune et moi nous fîmes traiter de tous les noms : nous étions des traîtres, des nullités, des serpents, des fourbes et, sommet de l'injure, des individualistes [5, p. 42].

Конфликт культур проявляется и в беседе, когда Амели заступает за Тяньши и тем самым вызывает приступ бешенства у начальника [6, с. 138]. Вначале Амели старалась вести себя так, как положено подчиненному в подобной ситуации. Как и Тяньши, она втянула голову в плечи, опустила глаза, лицо ее выражало покорность и стыд.

J'essayais de prendre exemple sur lui : il baissait la tête et courbait régulièrement les épaules. Son visage exprimait la soumission et la honte. Je l'imitai [5, p. 42–43].

Но когда начальник обвиняет их обоих в саботаже компании, Амели не выдерживает и бросается защищать Тяньши. По нормам поведения в японском коллективе она не имеет права защищаться и тем более защищать Тяньши.

...Je suis l'unique responsable.

... "Taisez-vous, par pitié !"

– Non... C'est moi et moi seule qu'il faut châtier.

– Vous osez défendre ce serpent! [5, p. 43].

Амели имела глупость назвать ложными обвинения в адрес Тяньши и, увидев его реакцию, поняла, что допустила несправимую ошибку. Она осмелилась предположить, что обвинения начальства могут быть ложными, тем самым выставив себя недопустимо грубой и невоспитанной.

– Monsieur Tenshi n'a aucun besoin d'être défendu. Vos accusations à son sujet sont fausses... – Vous osez prétendre que mes paroles sont fausses? Vous êtes d'une grossièreté qui dépasse l'imagination! [5, p. 44].

В данной ситуации Тяньши, оправдываясь, признается в своей ошибке, просит начальника не сердиться на Амели, так как она жительница запада, она молода, у нее нет никакого опыта общения с представителями японской культуры:

Je vous en supplie, ne lui en veuillez pas, elle ne sait pas ce qu'elle dit, elle est occidentale, elle est jeune, elle n'a aucune expérience. J'ai commis une faute indéfendable. Ma honte est immense.

En effet, vous, vous n'avez aucune excuse! hurla l'obèse [5, p. 21].

Не только вербальное, но и невербальное коммуникативное поведение западного человека и японца кардинально отличаются друг от друга. Если Амели, защищаясь, показывает свои эмоции, смотрит прямо в глаза начальству, вместо того чтобы опустить голову и принимать обвинения молча, ее товарищ по несчастью – Тяньши – всего лишь позволяет себе вздохнуть.

Il soupira...

Monsieur Tenshi se contenta de soupirer à nouveau [5, p. 48].

Принцип европейского человека прояснить ситуацию «давайте обсудим» или «надо поговорить» не подходит для восточной культуры. В каждой проблемной ситуации Амели пытается найти решение через обсуждение проблемы, она не понимает, как может разрешиться проблема, если о ней не говорить. Противоположную точку зрения представляет Тяньши, который уверен, что разговоры с выяснениями рискуют еще больше осложнить ситуацию.

Il faut que je lui parle.

– Le croyez-vous vraiment?

– Bien sûr. Comment voulez-vous que les choses s'arrangent, si on n'en parle pas?

... – *Ce qui est certain, c'est que si on ne parle pas, il n'y a aucune chance de régler le problème.*

– *Ce qui me paraît encore plus certain, c'est que si on en parle, il y a de sérieux risques d'aggraver la situation* [5, p. 49–50].

Другой пример, описанный Амели, иллюстрирующий отличие невербального коммуникативного поведения японца: вышестоящий начальник отдела без всяких на то причин в присутствии подчиненных устроил жесткий разнос Фубуки, которая приняла его стойко, не поведя бровью, без всяких оправданий в свою защиту. После ухода начальника ни один сотрудник не высказал слов поддержки девушке-начальнице, даже не осмелился посмотреть в ее сторону, кроме Амели, которая не отрываясь следила за своей начальницей в ходе всего инцидента.

Silence de mort dans la section comptabilité. A part moi, personne n'osait regarder la victime [5, p. 115].

Наказание Фубуки было показательным. Ее подчиненные старательно делали вид, что они ничего не видят и не слышат, как бы отказываясь присутствовать при унижении своей начальницы. Амели же горит желанием проявить сочувствие и поддержку своей начальнице, которую она наивно считает «подругой», что немыслимо по японскому этикету. Побежав вслед за Фубуки и застав ее плачущей, Амели совершает очередную оплошность, она по своей воле становится свидетельницей не только унижения своей начальницы, но и ее слабости (слез). Обычная для европейца моральная поддержка в трудной ситуации, ответом на которую были бы если не слова благодарности, то хотя бы благодарный взгляд, вызывает у японки противоположную реакцию.

Фубуки бросает на Амели взгляд, полный ярости, и во вспышке ненависти отбрасывает протянутую в дружеском участии руку. Произнеся всего лишь пару фраз: «*Zamochite! Uchodite!*», – Фубуки одним своим взглядом дает Амели понять, что, если бы у нее было право убить Амели, она бы сделала это без колебаний. Понятие «потери лица», неприятное и болезненное для европейца, является практически смертельным для японца.

...*Déjà je m'approchais d'elle, lui tendant un bras vibrant de réconfort, quand je vis se tourner vers moi son regard éberlué de colère...*

...*Au paroxysme de la haine, elle rejeta mon bras...*

...*J'ai une certitude: c'est que si elle avait eu le droit de me tuer, elle n'eût pas hésité* [5, p. 115–117].

Амели со своим свободным и независимым нравом представляет в романе западную культуру, а восточная культура, основанная на подчинении, охарактеризована репликой начальника героини:

Il a toujours moyen d'obéir: C'est ce que les cerveaux occidentaux devraient comprendre [5, p. 38].

Особое внимание уделяется в романе также положению женщины в японском обществе и предрасудкам, которые усложняют ей жизнь: японская женщина должна стыдиться, если к двадцати пяти годам она еще не замужем, она должна скрывать свои чувства, быть скромной в быту и т. д.:

On lui coule du plâtre à l'intérieur du cerveau: «Si à vingt-cinq ans tu n'es pas mariée, tu auras de bonnes raisons d'avoir honte», «si tu ris, tu ne seras pas distinguée», «si ton visage exprime un sentiment, tu es vulgaire», «si tu mentionnes l'existence d'un poil sur ton corps, tu es immonde», «si un garçon t'embrasse sur la joue en public, tu es une putain», «si tu manges avec plaisir, tu es une truie», «si tu éprouves du plaisir à dormir, tu es une vache», etc [5, p. 93–94].

Собственная семья и общество лишают японку даже надежды на что бы то ни было, кроме работы. Японка может рассчитывать только на свою работу, она может зарабатывать деньги и служить своей компании. В противоположность надеждам, у японки вся жизнь протекает в безукоризненном выполнении бесконечных обязанностей. Нет ни одной минуты в ее жизни, в которой не присутствовала бы какая-то обязанность: она обязана быть стройной, красивой, создать семью, воспитать детей, жертвовать собой для других. У японки нет ни единого шанса ни быть счастливой, ни сделать счастливым кого-то.

...*Car, en fin de compte, ce qui est assené à la Nipponne à travers ces dogmes incongrus, c'est qu'il ne faut rien espérer de beau...*

...*Espère travailler: Il y a peu de chances, vu ton sexe, que tu t'élèves beaucoup, mais espère servir ton entreprise. Travailler te fera gagner de l'argent...*

...*car tu dois rester mince...*

...*d'être belle...*

...*de te marier...*

...*d'avoir des enfants...*

...*de te sacrifier pour autrui.*

Сама возможность любить трактуется как плохое воспитание.

...*Si tu aimes quelqu'un, c'est qu'on t'a mal éduquée...*

...*Un seul mais auquel tu as pleinement droit... tu as le droit de te suicider...*

Единственный выход из этого замкнутого круга – это суицид. И даже суицид японки послужит поводом для гордости близких, поскольку ее посмертная репутация будет блестящей.

...*En compensation, pense à ce qui en vaut la peine: ta réputation posthume. Si tu te suicides, elle sera éclatante et fera la fierté de tes proches...* [5, p. 88–94].

Все вышеперечисленные обязанности и правила определяют нормы коммуникативного поведения японок. Японка никогда не повысит голоса при общении, никогда не будет возражать вышестоящему, не будет громко разговаривать и смеяться, выражать

свои эмоции, всегда должна выглядеть и вести себя безукоризненно при общении с коллегами. Она всегда должна быть деловита и не может себе позволить ни минуты, проведенной впустую, даже мечтая:

– *Je rêve. Ca ne vous arrive jamais?*

– *Jamais* [5, p. 96].

Открытая эмоциональная Амели не может и не хочет загонять себя в рамки традиционного поведения японской женщины. Она спорит с начальством, заступает за коллег, старается разнообразить монотонность офисной жизни – ведет себя как обычный европейский служащий на рабочем месте. Ее коммуникативное поведение является полной противоположностью японскому – абсолютное подчинение начальству, слепое исполнение поручений и приказов, сдержанное, даже уничижительное поведение по отношению к вышестоящему по должности и сдержанная вежливость с коллегами.

Существенно отличается в западной и в японской культурах отношение к карьерному росту. Для европейца быстрый внезапный карьерный рост – желаемое явление, которое только приветствуется. Для японца карьера предполагает постепенное достижение успеха как награды за долгий упорный труд.

Начальница Фубуки, которую Амели просто боготворит и считает их отношения дружескими, доносит шефу, что девушка выполняла работу для другого отдела. Несмотря на выгоду, принесенную компании, Амели снова наказывают. Когда возмущенная и обиженная Амели хочет поговорить с Фубуки, чтобы выяснить мотивы ее поступка, начальница возражает и пытается доказать виновность Амели, которая должна извиниться. Ее продвижение по службе никоим образом не связано с карьерой Фубуки, которая упорно трудилась несколько лет, чтобы добиться своего положения, и будет несправедливо, если Амели придет к подобному успеху за несколько месяцев:

Vous avez brigué une promotion à laquelle vous n'aviez aucun droit... J'occupe mon poste depuis l'an passé. Je me suis battue pendant des années pour l'avoir. Et vous, vous imaginiez que vous alliez obtenir un grade équivalent en quelques semaines? [5, p. 13].

Роман полон примеров ошибок коммуникативного поведения главной героини. Возвращение в страну, в которой она провела часть своего детства, весь период работы в японской компании и общение с ее сотрудниками и начальством обернулись для Амели жестоким разочарованием. С каждой своей поведенческой ошибкой девушка понемногу расстается с детским очарованием всем японским и с детской уверенностью, что эта страна для нее родная, и она может быть своей в этом обществе.

Выводы

Открытость, непосредственность, готовность к разговору и дискуссии, выражение собственного мнения, отношения на равных с собеседником, уважительное отношение независимо от ранга собеседника, прагматизм, инициативность – все эти черты, присущие коммуникативному поведению европейцев, воспринимаются ими как положительные.

Такие нормальные, положительные для европейцев качества, как «прагматизм» и «индивидуализм», абсолютно неприемлемы для японца.

Роман показывает нам огромное отличие европейского коммуникативного кода от правил японского коммуникативного поведения – сдержанность, строгая иерархическая вертикаль, безоговорочное послушание, отличное от европейского видение справедливости, уважения и т. д. Недаром роман называется «Страх и трепет». Именно с этими чувствами было предписано обращаться когда-то к японскому императору, и видимо, этих чувств ожидали по отношению к себе и начальники Амели.

Несмотря на любовь к их стране, знание языка и желание быть принятой в японском коллективе и стать для него полезной, Амели отказано в уважении и признании ее способностей, поскольку она – «белая женщина», не японка. Не ее личностные данные, а ее принадлежность к западному миру обуславливает отношение к ней большинства коллег, за исключением Тяньши, оценившего деловые качества героини.

Детских воспоминаний о чудесной стране и любви к японской культуре оказалось недостаточно, чтобы преодолеть культурный барьер во взрослой жизни. Амели не смогла смириться и принять национальные особенности мышления, специфику эмоционального склада и коммуникативного поведения сотрудников компании и, в особенности, своего начальства.

Весь роман Амели Нотомб построен на сопоставлении различий двух лингвокультур, которые обуславливают взаимное непонимание и напряженность в межкультурном общении и тем самым подтверждают необходимость знания не только иностранного языка, но и национальных особенностей народа, говорящего на этом языке, правил коммуникативного поведения, принятых в этом обществе. Понимание и уважение чужого коммуникативного поведения является необходимым условием для плодотворного и толерантного межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж : Гарант, 2015. 52 с.
2. Стернин И. А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1991. 59 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово / Slovo, 2008. 261 с.

4. Артаев С. Н. Национально-культурная специфика коммуникативного поведения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020 // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-kommunikativnogo-povedeniya>

5. Notomb A. Stupeur et tremblements. Editions: Albin Michel, 2009. 180 p.

6. Тамбиева Ф. А. Конфликт культур в межкультурной коммуникации (на материале романа «Страх и трепет» Амели Нотомб) // *Universum Romanum* : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Пятигорск, 2016. С. 137–140.

REFERENCES

1. Sternin I. A. *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya* [Models of description of communicative behavior]. Voronezh: Garant, 2015. 52 p.

2. Sternin I. A. *Oчерк russkogo kommunikativnogo povedeniya* [An essay on Russian communicative behavior]. Halle, 1991. 59 p.

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова

Тамбиева Ф. А., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французского языка
E-mail: fatimt@mail.ru

Дзейтова Х. Б., доцент кафедры французского языка
E-mail: rosa-777@mail.ru

Юсупова С. С.-А., кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
E-mail: ana.yusupova.71@mail.ru

Поступила в редакцию 28 февраля 2022 г.

Принята к публикации 26 сентября 2022 г.

Для цитирования:

Тамбиева Ф. А., Дзейтова Х. Б., Юсупова С. С.-А. Национальные особенности коммуникативного поведения в западноевропейской и японской лингвокультурах (на материале романа Амели Нотомб «Страх и трепет») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/50-58>

3. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 2008. 261 p.

4. Artaev S. N. *Natsional'no-kul'turnaya speczifika kommunikativnogo povedeniya* [National-cultural specificity of communicative behavior]. Dissertation abstract for the doctoral degree in philology. Moscow, 2020. In: *Electronic scientific library of theses and abstracts*. Available at: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-kommunikativnogo-povedeniya>

5. Notomb A. Fear and Trembling. Editions: Albin Michel, 2009. 180 p.

6. Tambieva F. A. *Konflikt kul'tur v mezhkul'turnoj kommunikaczi (na materiale romana «Strakh i trepet» Ameli Notomb)* [The conflict of cultures in intercultural communication (based on the novel Fear and Trembling by Amélie Nothomb)]. In: *Universum Romanum: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*. Pyatigorsk, 2016. Pp. 137–140.

Kadyrov Chechen State University
Tambieva F. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the French Department
E-mail: fatimt@mail.ru

Dzeitova Kh. B., Associate Professor of the French Department
E-mail: rosa-777@mail.ru

Yusupova S. S.-A., Candidate of Philology, Associate Professor of the French Department
E-mail: ana.yusupova.71@mail.ru

Received: 28 February 2022

Accepted: 26 September 2022

For citation:

Tambieva F. A., Dzeitova Kh. B., Yusupova S. S.-A. National features of communicative behaviour in Western European and Japanese linguistic cultures (in the novel “Fear and trembling” by Amélie Notomb). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 4. Pp. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/50-58>